

но не будет». А наедине с отцом как-то проговорился: «Я пули не боюсь, я бомбы боюсь». Такое настроение не понравилось Владимиру Кирилловичу. Он даже поругал сына, которому, может быть, на мгновение что-то приоткрылось в судьбе. Екатерина Васильевна в разговоре робко выразила надежду, что, может быть, в Чечне все скоро успокоится. Андрей пристально посмотрел на нее: «Нет, мама, это надолго». Перед расставанием с женой и сыном он сказал маленькому Гавриилу: «Остаться в семье главным, ты должен позаботиться о маме».

Он уезжал на Северный Кавказ отнюдь не с чувством обреченности. У Андрея был позитив, настрой на боевую работу, которую он, по выражению одного из сотрудников ФСБ, начал с колес. В Аргун офицер приехал в сложное время. Здесь 2 июля 2000 года произошел один из самых крупных терактов, когда грузовик с мукой, начиненный взрывчаткой и управляемый смертником, прорвался через шлагбаум и ворота к зданию временного отдела внутренних дел по Аргуну. Мощный взрыв унес жизни двадцати двух челябинских милиционеров. На этой же территории находились Аргунская межрайонная прокуратура, а также отдел ФСБ, сотрудники которого получили контузии и минно-взрывные травмы.

Об обстановке, сложившейся тогда в Аргуне, рассказывает подполковник Вадим Л.: «Работа отдела ФСБ, куда я прибыл в августе 2000 года, была практически парализована, поскольку почти все офицеры оказались в госпитале. Часть оперативных источников оказалась утраченной. Этот район оперативного обслуживания в тот период временно прикрывали наши ребята из Гудермеса. Помещения подразделения находились в полуразрушенном состоянии, более-менее сносные из них

заняли, по обоюдному согласию, сотрудники прокуратуры и милиции. Нам из Ханкалы доставили вагончики, то есть жилые модули, которые установили на плацу, а он порой и простреливался. Модули требовалось укрепить бетонными блоками. Словом, пришлось еще заниматься вопросами обеспечения собственной безопасности.

Сам Аргун был идеальным местом для боевиков, которые с наступлением холодов спускались с гор на зимние квартиры. В послевоенные годы город создавался как промышленный центр. Население сборное — разные тейпы и кланы, что значительно усложняло оперативную работу. Зарабатывать себе на пропитание боевикам, кроме терактов, было нечем. Естественно, у бандитов существовали расценки на убийство военнослужащих и офицеров спецслужб, уничтожение бронетехники. Начались обстрелы, подрывы машин. Тем более что здесь проходила трасса от Грозного на Гудермес и дальше — на Махачкалу. После пятиминутного обстрела бандиты обычно скрывались в промзоне, откуда был выезд на Мескер-Юрт, в обход блокпостов. Тем не менее, работа отдела, которым мне довелось руководить последние два месяца командировки, была восстановлена. Из Чечни я вернулся в первых числах марта 2001 года, Андрей уехал туда в апреле».

Игорь Бабкин в тот период был командиром отряда СОБРа, знал майора А. Тюнина по совместной боевой деятельности. Он рассказывает: «Чувство опасности некоторых сотрудников вгоняло в ступор. Андрей — человек из другой когорты. Он из тех оперативников, которые всегда выезжают на место со спецподразделениями. Нам довелось вместе участвовать в операции в районе Джалки, когда задержали тепленькими и без стрельбы несколько